

УДК 343.811

DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(6).1010-1016

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В СОДЕРЖАНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Т.И. Егорова*Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

14 марта 2019 г.

Дата принятия в печать

25 ноября 2019 г.

Дата онлайн-размещения

26 декабря 2019 г.

Ключевые слова

Лишение свободы; исправительное учреждение; срок наказания; осужденный; изоляция; принуждение; пространственно-временной континуум; депривация

Аннотация. Анализируются теоретические концепции, законодательные предписания и практика их применения в отношении определения пространственно-временной характеристики лишения свободы как вида уголовного наказания. На основе исторического опыта представлены способы обособления преступника от общества в условно неограниченных времени и пространстве изгнания. С ретроспективных позиций делается акцент на широком применении наказания в виде потока в древнерусском государстве. Лишение свободы в современном обществе исследуется с позиций наиболее распространенного вида наказаний, который обладает достаточным потенциалом принуждения, лишения и ограничения прав и свобод для достижения целей наказания и обеспечения его эффективности. Констатируется переходный характер содержания наказания в виде лишения свободы в России, необходимость дальнейшего совершенствования данного института, расширения его законодательной регламентации как меры принуждения, ограничивающей основные конституционные права личности. Отмечается, что особое место в ряду признаков рассматриваемого вида наказания занимает физическая изоляция в исправительном учреждении конкретного вида на определенный срок. Фокусируется внимание на особенностях уголовно-правового воздействия на осужденных к рассматриваемому виду наказания, которое затрагивает наиболее важные и ценные частные интересы. Делается предположение о возможностях оказания в данных условиях на осужденного наибольшего психологического воздействия. Рассматриваются основные предпосылки пенитенциарного влияния лишения свободы, возможности дифференциации места отбывания наказания и его длительности. На примере решений Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации обосновывается наличие в рассматриваемом виде наказания смежных признаков, присущих иным мерам государственного принуждения. Описываются примеры политико-правового обоснования необходимости применения лишения свободы и изменения порядка его отбывания в случаях, предусмотренных законом. Представлены результаты исследования вопросов депривации осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, как неизбежного следствия испытываемых страданий по причине лишения некоторых прав и свобод. При рассмотрении наказания в виде лишения свободы проводится анализ возможностей повышения позитивной мотивации и социальной мобильности осужденных в условиях изоляции.

A UNIVERSAL INTERRELATION OF TIME AND SPACE IN THE CONTENTS OF THE CRIMINAL PUNISHMENT OF IMPRISONMENT

Tatyana I. Egorova*Academy of Russian Federal Penitentiary Service, Ryazan, the Russian Federation*

Article info

Received

2019 March 14

Accepted

2019 November 25

Available online

2019 December 26

Keywords

Deprivation of liberty; correctional institution; length of punishment; convict; isolation; coercion; space-time continuum; deprivation

Abstract. The author analyzes theoretical concepts, legislative prescriptions and the practice of their enforcement to define the space-time characteristics of the deprivation of liberty as a type of criminal punishment. Using the historical experience, the author describes the ways in which a criminal could be isolated from the society in the conditionally unlimited time and space of exile. From the historical position, the author stresses a wide use of expulsion in ancient Russia. Deprivation of liberty in modern society is studied from the position of the most common type of punishment that is characterized by a sufficient potential of coercion, deprivation and limitation of rights and liberties to achieve the goals of punishment and ensure its effectiveness. The author states the transitional character of punishment in the form of the deprivation of liberty in Russia, the necessity of further improvement of this institution, of widening its legislative regulation as a measure of coercion that limits the basic constitutional rights of a person. It is noted that physical isolation in a penitentiary institution for a certain

© Егорова Т.И., 2019

period of time holds a special place among the characteristics of this type of punishment. The author also draws attention to the description of the criminal law influence on convicts in this type of punishment that concerns the most important and valuable private interests. It is assumed that these conditions maximize the psychological impact on the convict. The key prerequisites of penitentiary deprivation of liberty as well as the possibilities of differentiating the place of serving the punishment and its length are examined. Using the decisions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation, the author shows that this type of punishment contains the features of some other measures of state coercion. The author also presents examples of political and legal grounds for using the deprivation of liberty and for changing the conditions of serving the sentence in the cases specified by law. The article contains the results of researching the issues of deprivation of convicts serving sentences in penitentiary institutions, which is an unavoidable consequence of suffering caused by the deprivation of some rights and liberties. The study of punishment in the form of deprivation of liberty is accompanied by the analysis of opportunities for improving positive motivation and social mobility of convicts in the conditions of isolation.

Применение наказания, связанного с лишением свободы, известно миру несколько столетий. Однако термин «лишение свободы» появился намного позже, чем более ранние виды публичного принуждения. На пространственно-временной индетерминантности личности был основан такой древнейший вид наказания, как изгнание. Свобода вне родового образования не давала уверенности в физическом выживании.

Появление первых из известных человечеству видов изгнания было обусловлено преступлением Божественных заповедей разных порядков: одно было связано с вкушением плодов дерева познания добра и зла, другое направлено на уменьшение численности людей на земле.

Совершив первый грех, человек был проклят и изгнан из рая: «И изгна его Господь Богъ изъ рая сладости делати землю, от неяже взять бысть. И изрину Адама, и всели его прямо рая сладости...» (Быт. 3:22-24). Также и Каин был изгнан Богом с лица земли («стения и трясыйся будещи на земли» (Быт. 4:12)) и на него была наложена печать (Быт. 4:15). Очевидно, что данное скитальческое состояние, хотя и не было связано с нахождением в конкретном месте, лишало человека свободы, изолировало его на бессрочный период от общения с Богом или другими людьми.

Осуществляя историческую ретроспективу, можно заметить, что в системе восточнославянского судопроизводства также широко использовалось вневременное и внепространственное лишение свободы преступника. Виновного изгоняли из общины, создавая реальную опасность гибели при обитании вне племенного образования. Так называемый поток мог быть связан не только с перемещением на границу территории, но также с клеймением, заключением в оковы (цепи) или помещением в под-

земелье (погреб). Лишение свободы как мера принуждения, предусматривающая наказание в форме потока, приобрела на Руси массовое распространение еще со времен Русской правды и представляла собой особый способ принуждения не только к виновному в преступлении, но и к его близким.

Карательная составляющая наказания в данный период была основана на отвлеченных от личности моральных ценностях, связанных с интересами семьи, рода, племени. В этом смысле частное лицо, индивидуум не имел никакого самостоятельного значения [1, с. 52].

С увеличением плотности населения и развитием цивилизации изгнание как вид наказания перестало обладать достаточной суровостью. Мысли ученых все чаще обращались к возможности максимально эффективного конкретного пространственного ограничения виновного. Примечательной в этой связи представляется мысль итальянского ученого-утописта Томмазо Кампанеллы о возможности пожизненного поселения наиболее опасных преступников на необитаемом острове [2, с. 207].

Сегодня лишение свободы на определенный срок является наиболее существенной и распространенной мерой принуждения, применяемой за преступления различных видов и категорий, в то время как пожизненное лишение свободы используется в исключительных случаях, позволяя обеспечить соразмерность принуждения и экономию уголовной репрессии.

По смыслу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации осужденные обладают теми же правами и свободами, что и остальные граждане, за исключением тех ограничений, которые преследуют цель защиты нравственности, прав и законных интересов других лиц.

По степени строгости наказаний лишение свободы мягче лишь смертной казни, которая в России не применяется. Соответственно, наказания, связанные с изоляцией от общества, возможно рассматривать в качестве наиболее чувствительной меры принуждения к осужденным за совершение наиболее опасных преступлений.

Современную востребованность данных наказаний можно объяснить достаточной степенью их суровости, которая в то же время не лишает человека права на достойное существование, не причиняет мучения и излишние страдания.

Лишение свободы связано с отнятием у человека одного из величайших благ — врожденной потребности в реализации своей свободной воли. При этом поведение осужденного подчиняется определенному государством порядку, не учитывающему волеизъявление лица, тогда как именно посредством деятельности «обнаруживается и живет человек как этический субъект» [3, с. 82]. «И если допустить, что иногда люди предпочитают жизнь в тюрьме — свободе, то это весьма дурно рекомендует то общество, которое порождает такие болезненные явления, идущие вразрез природе человека, стремящейся к абсолютной свободе» [4, с. 61].

Термин «свобода личности» представляется весьма сложным и разносторонним. Состояние свободы, будучи одной из важнейших ценностей, для человека естественно, поэтому, лишаясь ее, он испытывает определенные негативные эмоции, которые, однако, «не должны выходить за пределы неизбежного элемента страдания или унижения, связанного с применением» лишения свободы¹. Вместе с тем уголовная политика в данном случае рассматривает виновного в преступлении как личность со свойственными ей в большинстве случаев контрсистемными качествами, чье поведение можно охарактеризовать как необоснованное пренебрежение к правовым и моральным ограничениям свободных людей в демократическом обществе [5, р. 5]. В этом смысле осужденный к лишению свободы не является «массовым человеком» и его реверсионная интеграция в систему обеспечивается применением принуждения [6, с. 15, 40].

Назначение судом наказания и вступление в силу обвинительного приговора суда являются юридическим фактом, на основании которо-

го происходит модификация уголовно-правовых отношений в уголовно-исполнительные [7, с. 59]. Применяется принудительное «позиционирование или расстановка индивидов в пространстве» в течение определенного времени жизни и на протяжении институционального срока [8, с. 20]. Осуществляется экспланация пребывания осужденного во временных и пространственных границах, соответствующих сроку лишения свободы и виду исправительного учреждения.

Временные рамки лишения свободы соответствуют конкретному сроку наказания, который, исходя из конструкций относительно определенных санкций статей Особенной части УК РФ, должен быть обоснован характером и степенью общественной опасности преступления и личностью виновного, а также влиянием назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Пространственное исполнение и отбывание рассматриваемого наказания связано с предписаниями закона, который в ст. 58 УК РФ закрепляет критерии определения вида исправительного учреждения для отбывания наказания различными категориями осужденных за совершение преступлений конкретной степени тяжести.

Осужденный к наказанию в виде лишения свободы перманентно находится в необратимо протекающем пенитенциарном процессе. Его интенсивность является величиной относительной. Пространственно-временная взаимосвязь проявляется различно при содержании осужденных в исправительных учреждениях различных видов. Она должна соответствовать некоторым показателям необходимого в демократическом обществе ограничения исходя из социальной или общественной необходимости, преследования социально полезных целей, соразмерности совершенному деянию, пригодности и учета сбалансированности интересов [9, с. 79].

В реальности на национальном уровне существует ряд смежных мер принуждения, которые связаны с различными ограничениями свободного волеизъявления личности в ограниченном пространстве на определенный срок. Однако зачастую применение однопорядковых свобод лишений не свидетельствует о реализации именно лишения свободы. Так, применение к подсудимым меры пресечения в виде заключения под стражу, арест или содержание в дисциплинарной воинской части военнослужащих также лишают человека возможности свободно передвигаться.

¹ Дело «Г. (G.) против Российской Федерации» (жалоба № 42526/07) : постановление ЕСПЧ от 21 июня 2016 г. // Российская хроника Европейского суда. 2017. № 1. С. 69–83.

Отечественное законодательство, оперируя понятием лишения свободы, делает акцент лишь на его пространственно-временных характеристиках. Содержательное наполнение данного вида наказания закреплено в подзаконных нормативных актах. Оставшаяся неясность для правоприменителя зачастую создает опасность возможного произвола, связанного с остаточными явлениями правового вакуума в процессе исполнения наказания.

В то же время само понятие «лишение свободы» позволяет говорить о том, что этот вид уголовного наказания в реальности может приобретать различные формы, не всегда соответствующие традиционному тюремному заключению. Согласно позиции Европейского суда по правам человека, рассматриваемый вид наказания следует отграничивать от других принудительных мер по сущностным признакам принудительного пребывания в ограниченном пространстве, изоляции человека от общества, семьи, прекращения выполнения служебных обязанностей, невозможности свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц. Данные критерии должны основываться на интенсивности принудительного воздействия, а не правовой природы².

Так, существующая в России мера наказания, связанная с назначением отбывания наказания в виде лишения свободы в колониях-поселениях, вызывает широкие споры в теоретических кругах. Однако правовая регламентация рассматриваемого института имеет идеологические и политические основы. В связи с этим Конституционный Суд Российской Федерации поддерживает принципиальность применения именно лишения свободы, а не иного вида наказания за деяния против личности, указывая, что в противном случае «искаленные жертвы неосторожных преступлений, близкие погибших и часть общества с вероятностью не найдут справедливого возмездия. Судам эти настроения безразличны...»³.

Бесспорно, важную роль в определении целесообразности применения наказания в виде

лишения свободы в каждом конкретном случае играет государственная уголовная политика.

Современное состояние теории и практики исполнения лишения свободы в России можно рассматривать в своеобразной интерференции пенитенциарной сегрегации как наиболее скрытой формы изоляции [10, р. 587] и коллективистской культуры наказаний, рожденной в советский период [11, р. 179]. Фокусирование уголовно-правовой и уголовно-исполнительной доктрин на ассоциации общественных интересов и особого статуса осужденного как центрального звена процесса исполнения наказания позволяет наиболее эффективно достигать целей уголовной ответственности [12, с. 79].

Лишение свободы генерируется уголовным правом через призму физической изоляции в определенном пространственно-временном континууме. Этому способствует также ограничение личности в пределах исправительного учреждения, ее удержание с помощью средств публичной власти.

Факт изоляции представляется элементом репрессии, обеспечивающим необходимое управление обличенными приговором суда субъектами наказания и контроль за их поведением. Дифференциация условий лишения свободы осуществляется с учетом категории «тюремного населения». Изоляция при этом позволяет лимитизировать свободу волеизъявления осужденного, наполнить наказание своеобразными объективными и субъективными признаками [13, с. 24].

Внешняя и интернальная изоляция в той или иной степени характерна для всех исправительных учреждений. Она выступает условием, лишаящим осужденного возможности свободно реализовывать свои потребности, обеспечивающим соблюдение требований государства к его поведению. Посредством телесной изолированности реализуется невозможность поддержания круга общения, образа жизни и поведения, привычных до осуждения. Лимит свободы ограничен и очевидно недостаточен для реализации всех личностных интересов, большая часть которых остается за пределами изолированной территории.

Наиболее чувствительным является ограничение права осужденного на личную жизнь. Право на неприкосновенность частной жизни, закрепленное в ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации, означает предоставленную и гарантированную законом возможность хранить втайне информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимно-

² Мюррей (Murray) против Соединенного Королевства : постановление ЕСПЧ от 28 окт. 1994 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 2. С. 52.

³ По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугев и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации : постановление Конституц. Суда РФ от 19 апр. 2016 г. № 12-П // Российская газета. 2016. 5 мая.

го характера. То есть частная жизнь включает в себя определенную сферу жизнедеятельности человека, которая относится к частному лицу, характеризует только его и не затрагивает общественные или государственные интересы.

С точки зрения психологии каждый человек стремится к изоляции себя от окружающих, ограничению своей сферы конфиденциального общения [14, с. 287]. В условиях лишения свободы имеются сложности социального взаимодействия. Существует неизбежный коммуникативный контакт с нежелательными и оппозиционными для осужденного участниками пенитенциарного процесса. Возникает интеллектуальная изоляция, влекущая трудности в культурном развитии, поддержании или повышении образовательного уровня [15, с. 98].

Лишение свободы обладает потенциалом специфического психологического давления, обеспечивает возможность справедливой депривации с помощью лишения личности ценных или единственно значимых интересов, которыми она пользовалась до своего осуждения. Отсутствие свободы самоопределения в изоляции составляет сущность испытываемых осужденным страданий, наличие которых репрезентируется и международным сообществом⁴.

В связи с этим происходит изменение привычного уклада жизни осужденного, его отношений с окружающими. Конечно, указанный процесс затрагивает индивидуальный статус лица как личности и гражданина. Таким образом, совершая преступление, лицо интенционно обрекает себя и своих близких на ограничения, в том числе в частных правах. В связи с изоляцией, например, затрудняется свободная реализация супружеских или родительских прав, нарушается тайна переговоров или переписки. Однако подобное вторжение и вмешательство государственных властей в частную жизнь осужденного осуществляется на основании реализации санкционированной законом функции по защите общественных интересов⁵.

Таким образом, свобода личности подразумевает не только ее физическую, социальную

или экономическую независимость. Данное понятие охватывает также возможность самостоятельного обеспечения внутреннего психологического комфорта. Пребывание в местах лишения свободы для многих осужденных является шоковой ситуацией. Очевидно, что длительное нахождение осужденных в условиях депривации имеет негативные последствия. Понижение самооценки происходит прямо пропорционально длительности отбывания лишения свободы, зачастую связано с утратой семейных связей и профессиональных навыков [16, р. 150].

Изоляция и дополнительные ограничения способствуют переосмыслению ценностей свободы. Разумеется, что это не должно быть связано с агрессивным или незаконным воздействием на личность осужденного [17, р. 999]. Лишь законное и обоснованное применение властных полномочий к осужденным независимо от степени выраженности личностной деформации способствует преодолению неблагоприятного влияния условий изоляции от общества и криминальной субкультуры, распространенной в местах лишения свободы.

Девиантные и делинквентные формы поведения являются детекторами негативных форм восприятия депривационных ограничений [18, с. 8–9], которые возможно комформировать различными сочетаниями сбалансированных мер строгой изоляции и видов правоограничений, выраженных в структурно-функциональном единстве. Данный процесс способен принести большую пользу охраняемым интересам личности, общества и государства, сделать работу уголовно-исполнительной системы более эффективной. В этой связи состояние защищенности всех лиц, находящихся на территории исправительного учреждения, пребывающих в условиях изоляции в связи с публичным предписанием или должностным положением, обеспечивает благоприятные предпосылки эффективности наказания [19, р. 126].

Важную роль в формировании позитивной мотивации и повышении социальной мобильности осужденных в местах лишения свободы играет система «социальных лифтов». Необходимые предпосылки ее применения имеются в российском законодательстве. Например, ст. 78 УИК РФ предусматривает возможность в судебном порядке изменить назначенный приговором вид исправительного учреждения в предусмотренных законом случаях (гл. 47 УПК РФ).

В то же время нельзя исключить наличие дискреционных полномочий у выступающих «инструментами власти» сотрудников испра-

⁴ Минимальные стандартные Правила обращения с заключенными. П. 57 // Международная защита прав и свобод человека : сб. док. М. : Юрид. лит., 1990. С. 290–311.

⁵ Дело «Хорошенко (Khoroshenko) против Российской Федерации» (жалоба № 41418/04) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2015. № 9. С. 107–140.

вительных учреждений, которые могут сместить принудительную составляющую в какую-либо сторону [20, р. 333]. Так, несмотря на определенную судом продолжительность отбывания лишения свободы в исправительном учреждении конкретного вида, данный пенитенциарный процесс может быть прерван при совершении осужденным злостного дисциплинарного проступка и переводе его в особое помещение (штрафной изолятор или единое помещение камерного типа). Подобное полномочие должностных лиц не нарушает порядка исполнения рассматриваемого наказания, выражая корреляцию особому правовому статусу осужденного⁶.

Можно заключить, что лишение свободы связано с радикальным изменением самой жизни осужденного. Данный процесс включает

⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Астафьева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом «д» части первой статьи 115, статьями 117 и 119 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 1 нояб. 2007 г. № 948-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 2. С. 54.

в себя модификацию пространственного пребывания, организацию жизнедеятельности в условиях изоляции и адаптацию к ним.

Таким образом, пространственно-временные рамки лишения свободы позволяют определить контекст изоляции на определенный срок в исправительном учреждении определенного вида. Мера уголовного принуждения, основывающаяся на справедливом приговоре суда, способствует достижению социально одобряемого результата исполнения наказания, реализованного в связи с нарушением закона [21, р. 27]. При этом определение срока лишения свободы и порядка его исполнения создает предпосылки достижения целей уголовного наказания и обеспечивает его эффективность. Непосредственное пенитенциарное воздействие, осуществляемое в условиях изоляции, позволяет снизить неблагоприятные последствия депривации осужденных, которые неизбежно возникают в результате ограничения прав и свобод осужденного, находящегося в изоляции от общества в связи с совершением им преступления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богдановский А.М. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого: Рассуждение А. Богдановского / А.М. Богдановский. — Москва : Тип. Каткова и К°, 1857. — 146 с.
2. Горфункель А.Х. Томмазо Кампанелла / А.Х. Горфункель. — Москва : Мысль, 1969. — 247 с.
3. Алексеев Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев. — Санкт-Петербург : Изд-во Юрид. ин-та, 1998. — 216 с.
4. Бернер А.Ф. О смертной казни / А.Ф. Бернер. — Санкт-Петербург : Тип. О. Стелловского, 1865. — 97 с.
5. Rose N. The Biology of Culpability: Pathological Identity and Crime Control in a Biological Culture / N. Rose // *Theoretical Criminology*. — 2000. — Vol. 4, № 1. — P. 5–34.
6. Кармазина Е.В. Свобода в субъект-объектной парадигме : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Е.В. Кармазина. — Новосибирск, 2012. — 48 с.
7. Егорова Т.И. Уголовно-правовая характеристика осужденных к лишению свободы / Т.И. Егорова // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Рязань, 2018. — С. 59–64.
8. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. — Москва : Акад. проект, 2003. — 525 с.
9. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности / ред. Н.В. Щедрин. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2010. — 310 с.
10. Martel J. To Be, One Has to Be Somewhere: Spatio-Temporality in Prison Segregation / J. Martel // *British Journal of Criminology*. — 2006. — Vol. 46, iss. 4. — P. 587–612.
11. Piacentini L. Architecture and Attachment: Carceral Collectivism and the Problem of Prison Reform in Russia and Georgia / L. Piacentini, G. Slade // *Theoretical Criminology*. — 2015. — Vol. 19, iss. 2. — P. 179–197.
12. Пикин И.В. Юридические гарантии обеспечения правового статуса личности в процессе исполнения наказания / И.В. Пикин. — Владимир : Изд-во ВЮИ ФСИН, 2008. — 138 с.
13. Сыч К.А. Уголовное наказание и его состав (теоретико-методологические аспекты исследования) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / К.А. Сыч. — Рязань, 2001. — 408 с.
14. Шипилов А.В. Диалектика социума: опыт построения структурно-эволюционной модели социокультурного континуума / А.В. Шипилов. — Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2003. — 312 с.
15. Личность осужденного / ред. Ю.М. Антонян. — Москва : Юрлитинформ, 2017. — 283 с.
16. Psychological Correlates of Long-Term Imprisonment: III Attitudinal Variables / K.J. Heskin, N. Bolton, F.V. Smith, P.A. Banister // *British Journal of Criminology*. — 1974. — Vol. 14, № 2. — P. 150–157.
17. Carlen P. Prisons: The Shocking State of Britain's Prisons and the Need for Visionary Change by David Ramsbotham / P. Carlen // *British Journal of Criminology*. — 2004. — Vol. 44, № 6. — P. 999–1001.
18. Миронова Т.И. Социальная психология реабилитации депривационных ограничений: на примере детско-молодежных групп временного типа : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 / Т.И. Миронова. — Кострома, 2012. — 57 с.

19. King R.D. Maximum-Security Custody in Britain and the USA: a Study of Gartree and Oak Park Heights / R.D. King // *British Journal of Criminology*. — 1991. — Vol. 31, № 2. — P. 126–152.
20. Liebling A. Prison Officers, Policing and the Use of Discretion / A. Liebling // *Theoretical Criminology*. — 2000. — Vol. 4, № 3. — P. 333–357.
21. Walker N. Do Sentences Affect Public Disapproval? / N. Walker, C. Marsh // *British Journal of Criminology*. — 1984. — Vol. 24, № 1. — P. 27–48.

REFERENCES

1. Bogdanovskii A.M. *Razvitie ponyatii o prestuplenii i nakazanii v russkom prave do Petra Velikogo* [Development of the Concepts of Crime and Punishment in Russian Law before Peter the Great]. Moscow, Katkov i K° Publ., 1857. 146 p.
2. Gorfunkel A.Kh. *Tommaso Campanella* [Tommaso Campanella]. Moscow, Mysl' Publ., 1969. 247 p.
3. Alekseev N.N. *Osnovy filosofii prava* [Fundamentals of the Philosophy of Law]. Saint Petersburg Law Institute Publ., 1998. 216 p.
4. Berner A.F. *O smertnoi kazni* [On Capital Punishment]. Saint Petersburg, O. Stellovskii Publ., 1865. 97 p.
5. Rose N. The Biology of Culpability: Pathological Identity and Crime Control in a Biological Culture. *Theoretical Criminology*, 2000, vol. 4, no. 1, pp. 5–34.
6. Karmazina E.V. *Svoboda v sub"ekt-ob"ektnoi paradigme. Avtoref. Dokt. Diss.* [Freedom in the subject-object paradigm. Doct. Diss. Thesis]. Novosibirsk, 2012. 48 p.
7. Egorova T.I. Criminal law description of persons convicted to deprivation of liberty. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya ugovolno-ispolnitel'noi sistemy v Rossiiskoi Federatsii i za rubezhom. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Theoretical and Practical Problems of Developing the Penitentiary System in the Russian Federation and Abroad. Materials of International Research Conference]. Ryazan, 2018, pp. 59–64. (In Russian).
8. Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Oxford, 1984. (Russ. ed.: Giddens A. *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2003. 525 p.).
9. Shchedrin N.V. (ed.). *Kontseptual'no-teoreticheskie osnovy pravovogo regulirovaniya i primeneniya mer bezopasnosti* [Conceptual and Theoretical Basis of Legal Regulation and Application of Security Measures]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2010. 310 p.
10. Martel J. To Be, One Has to Be Somewhere: Spatio-Temporality in Prison Segregation. *British Journal of Criminology*, 2006, vol. 46, iss. 4, pp. 587–612.
11. Piacentini L., Slade G. Architecture and Attachment: Carceral Collectivism and the Problem of Prison Reform in Russia and Georgia. *Theoretical Criminology*, 2015, vol. 19, iss. 2, pp. 179–197.
12. Pikin I.V. *Yuridicheskie garantii obespecheniya pravovogo statusa lichnosti v protsesse ispolneniya nakazaniya* [Legal guarantees of ensuring the legal status of a person in the process of the enforcement of sentences]. Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service Russia Publ., 2008. 138 p.
13. Sych K.A. *Ugovolnoe nakazanie i ego sostav (teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniya). Dokt. Diss.* [Criminal punishment and its contents (theoretical-methodological aspects of research). Doct. Diss.]. Ryazan, 2001. 408 p.
14. Shipilov A.V. *Dialektika sotsiuma: opyt postroeniya strukturno-evolyutsionnoi modeli sotsiokul'turnogo kontinuum* [Dialectics of society: an experience of building a socio-evolutionary model of socio-cultural continuum]. Voronezh, Tsentral'no-Chernozemnoe Knizhnoe Izdatel'stvo Publ., 2003. 312 p.
15. Antonyan Yu.M. (ed.). *Lichnost' osuzhdennogo* [The Personality of the Convict]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 283 p.
16. Heskin K.J., Bolton N., Smith F.V., Banister P.A. Psychological Correlates of Long-Term Imprisonment: III Attitudinal Variables. *British Journal of Criminology*, 1974, vol. 14, no. 2, pp. 150.
17. Carlen P. Prisongate: The Shocking State of Britains Prisons and the Need for Visionary Change by David Ramsbotham. *British Journal of Criminology*, 2004, vol. 44, no. 6, pp. 999–1001.
18. Mironova T.I. *Sotsial'naya psikhologiya rehabilitatsii deprivatsionnykh ogranichenii: na primere detsko-molodezhnykh grupp vremennogo tipa. Avtoref. Dokt. Diss.* [Social psychology of rehabilitation deprivation limits: using the example of child-teenage groups of temporary type. Doct. Diss. Thesis]. Kostroma, 2012. 57 p.
19. King R.D. Maximum-Security Custody in Britain and the USA: a Study of Gartree and Oak Park Heights. *British Journal of Criminology*, 1991, vol. 31, no. 2, pp. 126–152.
20. Liebling A. Prison Officers, Policing and the Use of Discretion. *Theoretical Criminology*, 2000, vol. 4, no. 3, pp. 333–357.
21. Walker N., Marsh C. Do Sentences Affect Public Disapproval? *British Journal of Criminology*, 1984, vol. 24, no. 1, pp. 27–48.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егорова Татьяна Игоревна — старший преподаватель кафедры уголовного права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, г. Рязань, Российская Федерация; e-mail: madamti62@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egorova, Tatyana I. — Senior Lecturer, Department of Criminal Law, Academy of Russian Federal Penitentiary Service, Ph.D. in Law, Ryazan, the Russian Federation; e-mail: madamti62@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Егорова Т.И. Универсальная взаимосвязь времени и пространства в содержании уголовного наказания в виде лишения свободы / Т.И. Егорова. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).1010-1016 // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 6. — С. 1010–1016.

FOR CITATION

Egorova T.I. A universal interrelation of time and space in the contents of the criminal punishment of imprisonment. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 6, pp. 1010–1016. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).1010-1016. (In Russian).